

Проблемы описания языка

Language Description

DOI: 10.37892/2218-1393-2021-14-1-4-15

Речевые практики в немецкоязычном социуме эпохи Реформации в аспекте лингвоцентричности

Н.С. Бабенко (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые явления и процессы, связанные с функционированием устных и письменных текстов в немецкоязычном социуме эпохи Реформации (начало XVI в.), получившем широкий доступ к печатному слову на национальном языке, что в условиях отсутствия единого немецкого языка способствовало вариативности речевых практик в широком коммуникативном диапазоне, охватывавшем как слои элитарных потребителей, так и профанную публику — в движении первых от форм ученой письменности к «народному» языку и в приобщении вторых к культуре письменного языка как средства публичной коммуникации.

Ключевые слова

Эпоха Реформации, М. Лютер, проповедь, устный язык, письменный язык, публичная коммуникация.

Введение

Историко-культурная ситуация, сложившаяся в Германии начала XVI в. на фоне событий Реформации, в значительной степени изменила не только содержание речевых практик, но и модусы существования текстов, их роль в освоении новых коммуникативных пространств. Весьма ярким примером, иллюстрирующим процессы расширения

коммуникативной активности под влиянием событий Реформации и усиления на этом фоне лингвоцентричных тенденций в вербальной деятельности участников коммуникации, может служить история вхождения в немецкоязычную словесную культуру текстов М. Лютера [Kotin 2018; Бабенко 2020]. Их историография свидетельствует о весьма бурном развитии коммуникативной деятельности в эпоху Реформации и об осознании роли лингвоориентированных факторов в достижении необходимого коммуникативного эффекта по отношению к потребителю информации [Mertens 2002]. Для верификации и детализации некоторых процессов, сопровождавших развитие и изменения коммуникации рассматриваемого периода, в статье анализируется группа текстов в жанре проповедей Лютера, посвященных вопросам брака (1519 г.), которые появились в самом начале реформаторского движения (1517 г.). В фокусе внимания находится эпизод историко-культурного профиля, сохранившийся в виде письменных свидетельств, который связан с языковой деятельностью Лютера. На примере этого эпизода довольно отчетливо вырисовываются некоторые важные детали бытования сопряженных друг с другом текстов, созданных в разных социокультурных обстоятельствах. Новым в данной статье является взгляд на лингвокультурную ситуацию в Германии XVI в. в фокусе двух сопряженных друг с другом направлений развития языковой коммуникации: коммуникации, направленной вверх, и коммуникации, направленной вниз. Их взаимодействие носило глобальный характер, находило отражение в фактах межнациональных трансферов текстов и определяло пути формирования немецкого национального литературного языка на начальном этапе его реального становления в новых социокультурных обстоятельствах, которые формировались на фоне событий Реформации, распространения книгопечатания, закрепления значимости авторства как фактора публичной дискурсивной деятельности, престижности грамотности, расширения медийной сферы и круга активных участников коммуникативных действий [Бабенко 2010].

Основная часть

16 января 1519 г., во второе воскресенье после Рождества в приходской церкви Виттенберга перед своей общиной выступал Лютер с проповедью о свадьбе в Кана. Традиционно в этот день говорилось о браке. Среди слушателей был студент, который в спешке записывал то, что говорил известный теолог. Через полтора месяца в Лейпциге появилась в напечатанном виде проповедь *Sermon von dem ehelichen Stand Doctoris Martini Lutter Augustiner zu Wittenberg*. На титульной странице герб гарантировал аутентичность текста. Лютер был к тому времени очень знаменит как автор 95 тезисов 1517 г.¹

Лютера много слушали, читали, печатали, его идеологической деятельностью интересовались. Он не относился к числу «писак» того времени; не был он продуктивным и как университетский чин. Лютер не практиковал ни полную запись своих проповедей, ни подготовку их краткого абриса². По всей видимости, он обходился рукописной записью на латыни или на смешанном немецко-латинском варианте языка, своеобразной шпаргалкой, которую он брал с собой на кафедру [Mertens 2002, 243].

Проповеди известных личностей считались значительными событиями с точки зрения риторической обработки текста и силы ораторского воздействия на аудиторию. В случае с проповеднической деятельностью Лютера новым был сам дискурс, учение, в котором резкой критике подвергалось господствовавшее тогда положение вещей. Соединение нового дискурса с соответствующей этому дискурсу языковой формой во многом определяло привлекательность и высокую эффективность воздействия текстов Лютера на читателей — как на его соратников и последователей, так и на противников и критиков, а также, в свою очередь, на издателей, которые охотно печатали столь востребованного автора и имели с этого коммерческий доход.

Проповедническая деятельность, широко практиковавшаяся в разные эпохи, являлась существенной частью жизни социума как церковный ритуал с использованием

¹ В 2017 г. 500-летний юбилей этого события широко отмечали в Европе и в России конференциями и публикациями [Kulturelle Wirkungen der Reformation 2018].

² Проповедь — это изначально событие устной коммуникации (*prae-dicare* ‘объявлять во всеуслышание’), но этот тип текста может существовать в разных формах: и устной, и письменной; в этом заключается специфика проповеди, что находит отражение в разных исторических ситуациях бытования подобных текстов.

обязательных элементов формы и содержания. Накануне Реформации этот вид церковной службы и ее участник подверглись резким нападкам и откровенному осмеянию со стороны Эразма Роттердамского, «главы европейской республики ученых», который в 1511 г. издал сатирический памфлет «Похвала Глупости» и вынес приговор довольно большому социальному слою богословов и монахов³. В одном из многочисленных сатирических пассажей Эразма, разоблачающих бесчестность, лицемерие, развращенность, невежество, обжорство, небрежение к наукам, презрение друг к другу, глупость, грубость, бесстыдство, самодовольство, показушность, в фокус критики попадает манерная риторизация публичных проповедей в устах богословов и монахов: «Какой комедиант или площадной крикун сравнится с ними, когда они разглагольствуют с кафедры, смехотворно подражая приемам и манерам древних риториков? Боже бессмертный, как они жестикулируют, как они ловко повышают голос, как пускают трели, как ломаются, какие строят гримасы, как воют на разные лады! И это искусство красноречия с великой таинственностью передается от одного братца-монаха к другому» [Роттердамский 1960, 80].

Лютер проповедовал с большой степенью учености и знания Священного писания, но он любил и грубое, выразительное «словцо», не стеснялся в выражениях и охотно обращался к пословичному материалу, то есть действовал в стилистике, типичной для кафедральных речей того времени. Тем не менее Лютер отличался вовсе не этими качествами своих речей, хотя он явно превосходил современников своим умением быть ярким оратором. Его преимуществом было идеологическое содержание речей: слушателей, читателей, особенно печатников привлекал не стиль текстов Лютера, а его идейные установки, облеченные в риторически эффектную форму с элементами разного рода развлечений. Риторика обнаруживалась скорее в особенностях использования языка, а не в построении речи, в членении на главное и второстепенное. Он нумеровал свои ассоциативно связанные мысли нередко без какой-либо иерархизации. Именно эти особенности дис-

³ Ср. наблюдение комментатора «Похвалы Глупости», что наибольшего накала и резкости сатира Эразма достигает в главах «о философах и богословах, иноках и монахах, епископах, кардиналах и первосвященниках (главы LI-LX)» [Пинский 1960, 132].

курса Лютера передает сделанная студентом запись устной проповеди, отличающаяся свободной формой без явных признаков отчетливого структурирования.

Лютер был определенно недоволен неавторизованной версией публикации (далее Т–1) и уже в мае 1519 г. опубликовал переработанный и исправленный текст на основе сделанной студентом записи (далее Т–2). В предисловии к своей публикации он выражает сожаление, что первая публикация его проповеди появилась без его ведома, тайком, называет переработанный им самим текст единственно легитимным и призывает пренебречь ненадежным текстом: *Bit ain yegklich frum mensch/wolt er die ersten außgegangen Sermon lassen vndergeen vnnd zu nichten warden* [Т–2, 5]. Кроме того, Лютер здесь же делает лингвоцентричное по своей сути замечание, что существует большая разница между живым голосом и мертвой записью: *Es ist ein groß unterschey, etwas mit lebendiger stimme adder mit todter schrift an tag zubringen* [Т–2, 5], то есть указывает на то, что в этих двух медиумах реализуются разные типы текста, и письменный текст имеет свои закономерности.

Опубликованная проповедь имела большой издательский (книготорговый и коммерческий!) успех, за два года издавалась 14 раз, была включена в собрание сочинений (Базель 1520), переведена на латынь, на нидерландский (1520) и на датский языки (1531). И, наконец, в слегка переработанном Стефаном Ротом, городским писарем г. Цвикау, виде была еще раз издана в 1528 г. с легитимировавшим перевод предисловием Лютера, где говорится, что Рот улучшил текст и он (Лютер) одобряет это, так как проповеди с его именем только украшают его учение [Mertens 2012, 244]. Актуальным текст проповеди Лютера 1519 г. был недолго, до 1522 г., а затем история издания прерывается, в том числе по той причине, что Лютер вскоре пересмотрел свое отношение к браку и более активно включился в дискуссии вокруг учения старой церкви.

Текст, опубликованный студентом [Т–1], воспроизводит в значительной мере устную фактуру публично произнесенной проповеди Лютера. Т–1 не является протоколом проповеди Лютера, но он в значительной степени отражает медийные особенности и

существовавшую в то время практику записи текста в процессе речи. Для студентов было привычным делом записывать текст по ходу лекции. Существовала определенная система записи слов, их сокращения и организации текста. Но были и индивидуальные варианты применения этой системы. Запись велась чаще всего на латыни, иногда с немецкими вкраплениями, в результате чего возникали смешанные тексты, где языки были представлены в разных пропорциях, а их выбор был мотивирован разными факторами и предпочтениями записывавшего текст лица. Напротив, печатный текст, выполненный на немецком языке по записям устной речи, был по сути переводным и обращенным к публике, не владевшей латынью. Лютер своим авторитетом содействовал процессу оперативного перевода на немецкий язык рабочей записи для личного пользования, и практика воспроизведения в записи стиля проповедника была вполне типичной в этой сфере. Лютер в своей версии текста проповеди редуцирует стилистику устности и выдвигает на первый план предмет проповеди, а не желание автора известными приемами привлечь к проповеди внимание публики.

Запись студента, как можно предположить, не убеждала Лютера в том, что она аутентична. Видимо, языковая форма текста не отражала в полной мере особенности языка самого Лютера, а была реконструкцией проповеди по весьма неточным записям, сделанным, как это было в ходу в студенческой среде, на смешанном — немецко-латинском языке с применением приемов скорописи; расшифровку записи он осуществил сообразно своему речевому опыту, который Лютер явно не принял.

Однако студент верно уловил явное отступление Лютера от условностей, которые заключались в соблюдении строгих риторических правил построения проповеди и прежде всего по части диспозиции, то есть расположения частей проповеди друг относительно друга. Соотношение частей, переход одной в другую носят спонтанный характер, что было в значительной степени свойственно Лютеру. Важно также, что проповедь не имеет Заключения, а обрывается на полуслове. Это связано не с тем, что у студента не хватило

сил для завершения записи, а объясняется манерой самого Лютера, который пренебрегал соблюдением риторических канонов⁴.

T-1 содержит множество признаков устности в разных ее проявлениях, свойственных публичной проповеди:

— цитирование коротких пассажей из Библии, святых отцов, ученых мужей («doctors»), ссылки на античных авторов;

— апелляция к личному опыту от первого лица — «Я»;

— обращения к слушателям во втором лице — «Ты»;

— использование пословиц и разговорных оборотов для оживления восприятия речи;

— обращение к примерам из обыденной жизни;

— включение ассоциативно связанных пассажей, характерных для спонтанной речи в ее свободном развитии;

— характерный для стилистической манеры Лютера отказ от абстрактных рассуждений в пользу конкретных примеров («concretivas») [Weithase 1961, 90];

— выдвижение на первый план мотива противопоставления плотского и духовного в рассуждениях о браке с акцентом на важности духовности в противовес греховности.

Устность сформирована в T-1 путем нанизывания односложных, нераспространенных предложений с элементами параллелизма в их строении:

(1) *Es ist umb sunst, das man wil vil regel machen, das die recht sollen zustimmen, man und weyb, die seel sey dan vor gereyniget. Es ist zweierley lyebe, eyn fleischliche unlustige liebe und eyn brauth lieb. Es ist kein groesser lieb, die dy muetter und die toechter haben ader der vater und der son...* [T-1, 214].

Наставительные по своему характеру высказывания воспроизводят устную спонтанную, синтаксически слабо структурированную речь, нагруженную разного рода соединительными элементами между предложениями:

⁴ Примечательно, что сравниваемые тексты не имеют формульных концовок, типа *dazu helfe uns Gott* или *das helfe er uns zu den ewigen gnaden* [Mertens 2002, 250].

(2) *Es ist eyn falsche lieb, das ist eynen umb gelts willen lieben, dann het er keyn gelt, ich ließ yn wol gehen. Aber das ich eynen um fruntschaft lieb hab ader das ich ein weyb liebe, darum das sy schoen ist, dann were sy gewlich, ich sech sy nicht an. Darumb fallen ymmer stueck herab, also ist die lieb vorgiff...* [Т–1, 214].

Синтаксически «рыхлые» предложения находятся в отчетливом контрасте со строго выстроенными цитатами из библейских источников:

(3) *Item man hat sant Paul also gefraget, ob einer ein weyb solt nemen, antwort er 'Ich hab keyn gebot, das ich eynen ein junckfraw heyß bleyben, es ist wol gut, wens eyner thun kan, das er sich enthalt, kan ym aber kein gebot geben: brueff sich ein ytzlicher selber, kan er sich nicht enthalten, so neme er ym eyn weyb und bleyb daran* [Т–1, 215].

Авторизация Т–1 самим Лютером имеет прямое отношение к медийной проблеме — переводу проповеди из условно устной формы (post-оральной) в письменный текст (ante-оральный). Т–2, как было сказано, прежде всего теряет признаки устности по всему формату текста. Лютер в Т–2 элиминирует вводную часть Т–1, указывающую на предмет проповеди как событие: *Man pflegt heut in dem ewangelio zu sagen von der ehe, darumb das Christus auff die Wirtschaft geladen wart, wolle wir auch dar von reden* [Т–1, 213] и выстраивает текст по образцу трактата (Schwitalla 2000) с выделением нескольких частей: *Czum ersten/Do got Adam geschaffen het...* [Т–2, 6]. Далее на коротких промежутках друг от друга следуют вторая (*Zum andrn*), третья (*Zum Dritten*) и четвертая части (*Zum Vierden*), систематизирующие рассуждения Лютера о предыстории грехопадения. Затем в той же стилистике трактата Лютер переходит к изложению трех пунктов, которые сформулировали ученые мужи. Тем самым нарочитая систематизация текста Т–2, которая отсутствует в Т–1, оказывается особенно яркой отличительной особенностью переработанного текста и сближает его стилистически с трактатом.

Издатели проповеди уловили эту «недоработанность» для целей чтения и вводили свои типографические уточнения: цифровые I–III, маргиналии (заметки на полях), особые указания в пассажах, где обобщается учение (*Der eelich statt/ein sacrament*), маникулы

(изображение человеческой руки в определенных местах как знак выделения цитаты) и пр.

В целом исправленный Лютером текст короче на шестую часть (177 строк в Т–2 против строк 210 в Т–1), так как в Т–2 отсутствуют отступления и примеры из жизни. Концентрация на *summa graeserti* («главная заповедь») вполне удачна, но, как считают исследователи, систематизация текста могла бы быть более последовательной [Mertens 2002, 248]. В Т–2, ориентированном на чтение, в отличие от Т–1, воспроизводящем атмосферу устности в письменном формате, обнаруживается иной характер использования рецептивных сигналов, фиксирующих переключение с одной темы на другую. В авторизованном тексте Лютера наблюдается преобладание констатирующих обобщений в довольно традиционном для христианской веры ключе, в довольно произвольной последовательности, но в языковой обработке, стилистически соответствующей письменной коммуникации, направленной по своему назначению вверх — для образованной публики, а не вниз — для читателя. Пассажи Т–2 отличаются разнообразием синтаксических моделей построения предложений, разветвленностью подчинительных и сочинительных связей, а также вариативностью инициальных элементов предложений:

(4) *Vnd wen Adam nit gefallen were/so were es das lieblichste ding gewesen/ brawt vn brawtgam/ Aber nu ist die liebe/auch nit reyn/dan wie wohl ein ehlich gemalh das ander haben will/so sucht doch eyn yglich seine lust an dem andern/vnd das felscht diese liebe. Derhalben der ehlich stand nu nit mehr rein vn an sund. Vnd die fleischliche anfechtung so groß vn wutend warden/das der ehlich stand/ hinfunder gleich ein spital der stechen ist/ auf das sie nit in schwerer sund fallen* [Т–2, 7].

В переработанном самим Лютером тексте наблюдается усиление наставительной риторики через прямое обращение к адресату и интонации убеждения:

(5) *Sieh vmb der ehr willen/das vormischungen/manes vn weibs/ ein so groß ding bedeut/muß der Eelich stand sulche bedeutniß geniessen/ das die bose fleischliche lust/ der*

niemant an ist/ in Eelicher pflicht/nit verdamlicht ist/die sunst außerhalb der Ehe/ allerzeyt todlich ist/wan sie verbracht wirt [Т–2, 8].

Заключение

Коллизия, которая возникла вокруг устной проповеди Лютера и ее последующей авторизации, отражает существование в ранний период Реформации весьма острой ситуации лингвопрагматического характера, когда в условиях расширения публичности коммуникативной деятельности возникают вариации текстов, ориентированных на решение разных коммуникативных задач. М. Лютер как исключительная языковая личность своего времени лучше современников понимал, что языковая коммуникация обладает множеством регистров, которые отражают дифференциацию публики как по вертикали, так и по горизонтали: будь то ученый или «простой» человек, образованный нюрнбержец или неотесанный саксонец — каждому его учение должно быть доступно и понятно [Mertens 2002, 248].

Список источников и сокращений

Т–1 — Sermon von dem ehelichen Stand Doctoris Martini Lutter Augustiner zu Wittenberg [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitale.bibliothek.uni-halle.de/vd16/content/pageview/3256310>.

Т–2 — Ain Sermon von dem Eelichen Stand/verendert vnd corrigiert durch D.Martinu Luther Augustiner zu Wittenberg [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sammlungen.ulb.uni-muenster.de/hd/content/hageview/684133>.

Литература

Бабенко Н.С. Раннее книгопечатание в Германии и его роль в развитии форм коммуникации//Язык. Закономерности развития и функционирования. Сборник к юбилею Натальи Николаевны Семенюк. Москва-Калуга: Эйдос, 2010. С. 255—271.

Бабенко Н.С. «Послание о переводе» М. Лютера (1530) в двух аспектах истории немецкого языка: критика языка (Sprachkritik) и практика языка (Sprachgebrauch)//М.:Mit

rade unde dade. Сборник научных статей к юбилею Екатерины Ричардовны Сквайрс. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 103—115.

Пинский Л.Е. Послесловие: Эразм и его «Похвала Глупости» // Эразм Роттердамский. Похвала Глупости (перевод П.К. Губера). М.: Художественная литература, 1960. С. 113—139.

Роттердамский Эразм. Похвала Глупости (перевод П.К. Губера). Художественная литература. М.: Художественная литература, 1960.

Kotin M. *Ex sola fide?* Ein Beitrag zu linguistischen Aspekten der Diskussion in Luthers *Sendbrief vom Dolmetschen* aus der Sicht der modernen kontrastiven Linguistik//Jahrbuch für germanistische Sprachwissenschaft, 9.De Gruyter. Berlin/Boston, 2018. S. 106—116.

Kulturelle Wirkungen der Reformation. Cultural Impact of the Reformation. Kongressdokumentation Lutherstadt Wittenberg. August 2017. Zwei Bde. Evangelische Verlagsanstalt. Leipzig, 2018.

Mertens V. Schwellentexte autorzentrierter Predigten im 16. Jahrhundert // Textsorten deutscher Prosa vom 12.—13. bis 18. Jahrhundert. Hg. v. F. Simmler. Bern, 2002. S. 243—256.

Schwitalla J. Wandlungen eines Mediums. Sprachliche Merkmale öffentlicher Briefe von Laien in der Reformationszeit//Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gernard Lerchner. Hrsg.v. Irmhard Barz, Ulla Fix, Marianne Schröder und Georg Schuppener. Peter Lang. Frankfurt a.M. etc., 2000. S. 261—279.

Weithase I. Zur Geschichte der gesprochenen deutschen Sprache. I. Tübingen, 1961.

Speech practices in the German-speaking Society during the Reformation in the aspect of linguocentricity

N.S. Babenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The article discusses some of the phenomena and processes associated with speech and written texts in the German-speaking society of the Reformation (early 16th century) when it received wide access to a printed text in the national language. In the absence of a unified German language this has contributed to the variability of speech communicative practices in a

wide range, covering from elite to vulgar audience, as the former shifted from academic forms to “people’s” vernacular and the latter was introduced to the written language culture as a means of public communication.

Keywords: Reformation, Luther, sermon, oral language, written language, public communication.